

Б Е Р Е Г Ъ

О Т Р Ы В О К Ъ,

Найденный въ бумагахъ покойнаго Со-

чинителя Д . . . . . ки.

.....
Sunt lacrimæ rerum et men-
tem mortalia tangunt. Virg —
.....

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ медицинско́й типографіи

1812 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Минисперсва Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки, и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ 17 Февраля 1812 года.

*Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тилковскій.*

Б Е Р Е Г Ъ

С О Д Е Р Ж А Н І Е.

Встрѣча Далиды съ Дамономъ на берегу рѣки — причины ея печали — увѣщаніи Дамона вразсужденіи равнодушнаго перенесенія несчастій — Далида видитъ нѣчто плывущее къ берегу — повѣсть Дамона объ Улиссѣ и Пенелопѣ — узнаніе въ плывущемъ сперва несчастнаго, погибшаго среди волнъ, потомъ супруга Далиды — смерть ея. —

Далида, (ходя по берегу, и прилѣтивъ идущаго къ ней старика Дамона говоритъ):

Иди, иди, Дамонъ, къ несчастной,
Печаль со мною раздѣли;
Въ минушы злой послы, ужасной,
Залогъ любви своеѣ яви.
Коль средствъ помочь мнѣ не найдется,

(Меня забыли небеса)

Въ жару сердечномъ хопъ сольешся
Съ моею слезой швоя слеза.
Грудь помную мою проникнешь,
Своею шеплою спіруей,
До сердца скорбнаго доспигнешь,
И будешь для него елей.

ДАМОНЪ (приближась).

Ты здѣсь о дочь моя любезна? *)
Спокойноль дни шекунь швоя?

ДАЛИДА.

Судьба моя шебѣ извѣсна,
Покой возможноль мнѣ найши?

ДАМОНЪ.

Я вижу признаки печали! —
Нѣшь ясности въ швоихъ очахъ;
Въ ланипахъ лиліи увяли,
Цвѣнь розы бледень на устахъ.

ДАЛИДА.

Когда способень шы душею
Болѣшь въ нещасній другихъ;
Вздыхай, и вмѣспѣ. плачь со мною
О люшыхъ бѣдспвіяхъ моихъ.
Ахъ другъ! вчера въ часы покоя,
Какъ роци начали дремашь,
И холмы въ думѣ сладкой споя,
Къ себѣ видѣній ждали машь.

*) Дамонъ называешь Далиду дочерью по преимуществу
лѣшь, а не по праву рожденія.

Арисъ опъ сихъ бреговъ вступившій,
 Съ супругомъ въ бурныя пущи,
 Закономъ дружбы утвердившій,
 Въ огонь и бездны съ нимъ ищи,
 Арисъ, подобно шъни блѣдный,
 Вчера явился предо мной,
 Веселой живости лишенный,
 Какъ мѣсяць тусклый предъ зарей.
 Гдѣ милый Вальфъ нашъ? вопрошаешь,
 Давно ли прибыль онъ сюда?
 Гдѣ Вальфъ, въ смущеньи повпоряешь,
 Его здѣсь нѣтъ еще — бѣда! —
 Какъ громъ или земли потрясенье,
 Смущила рѣчь его меня,
 И жарь и хладъ, души волненье,
 Все вмѣстѣ чувствовала я.
 Почто тогда Всесильный спали
 Перуны грозные швои?
 Почто несчастной не карали?
 Иль вѣчны горести мои? . . .
 Еще, мнѣ мнился, чпо я вижу
 Ариса шънь, иль здѣсь онъ самъ,
 Его смущенный голосъ слышу,
 Внимаю, кажется, словамъ:
 „Мы плыли, рѣкъ онъ мнѣ, спокойно,
 Едва ребились водъ спруи;
 Корабль предъ нами Вальфовъ спройно,
 Какъ исполинъ спупаль въ пущи.
 Въ вдали брегъ улыбаясь синій,
 Свиданья ожидаль часа;
 На камень опираясь дикій
 Маниль рукою паруса.
 Вальфъ шайно съ радостью небесной
 Взираль на брегъ и на меня, —

И чувствія души прелестной
 Двигая движеньемъ говоря.
 Но кипувъ взоръ къ спирамъ вечерней,
 Мы бури усмошрѣли ходъ,
 Какъ шѣнь хаосной ночи древней,
 Казался намъ ея приходъ.
 Сначала дальними пунями,
 Собравъ во кругъ себя пары,
 Она шла шажками шагами
 На верьхъ Анданпскія горы.
 Туманные склоняли холмы,
 Предъ нею старческу главу;
 И кедровъ низвергались сонмы
 Вснуная въ дерзскую борьбу.
 На рамъ опершись широко
 Тиганна Западныхъ сперонъ,
 Она въ молчаніи глубокомъ,
 На свой возсѣла фаетонъ.
 Подъ нею кони закрупились,
 Подвигли вихри въ облакахъ,
 Какъ быспрые орлы пустились,
 Клубами висел мракъ въ слѣдахъ.
 Глядимъ — и вышины коснулась
 Богиня хмуряся челомъ,
 Предъ нею полночь развернулась
 Скрывъ день на небѣ голубомъ.
 Не часъ ли мнили мы ошмщенья,
 Насталь неправды для сыновъ?
 Не адъ ли, мнили, средь мученья,
 Расщорнулъ связь своихъ оковъ?
 Вдругъ вѣспникъ съ неба быспрошечный,
 Ошь насъ промчался къ вѣчнымъ льдамъ,
 И сводъ разкрывъ лазуро-млечный
 Низвелъ громъ ярый по громамъ,

На морѣ родилися горы,
 Главой касался небесамъ,
 Жестокіе поднявши споры
 Грозили дальнимъ берегамъ.
 Въ минушу Вальфъ со мной разстался
 О люпый день, ужасный часъ!
 Въ другую бездной отдѣлялся,
 А въ прешію исчезъ изъ глазъ.
 Во весь сей день и ночь глухую
 Носился я въ морскихъ пуняхъ,
 Клянн судьбу свою лихую,
 Мнилъ гробъ обрѣсть въ чужихъ земляхъ.
 Корабль топъ часъ, какъ въпры гнали,
 Ударился въ утесъ крупной,
 Проспились всѣ — но средь печали,
 Я берегъ свой узналъ родной.,,
 Дамонъ! гдѣжь Вальфъ? . . . гдѣ другъ любезный? . . .
 Иль гнашь насъ будешь вѣчно рокъ? . . .

Д А М О Н Ъ .

Когда назначень жребій слезный
 Разсудокъ въ помощь дасъ урокъ.

Д А Л И Д А .

Всегдаль Дамонъ, всегдаль покорно
 Разсудку сердце у тебя?
 Какъ гнешъ, печали чувствво скорбно,
 Лежишь на груди у меня.
 Не разъ здѣсь солнце восходило,
 Безъ друга сердца моего;
 Мечты съ собою приносило,
 Мечты и больше ничего.
 Не разъ надъ сею я рѣкою

Конца ждала судьбѣ своей —
 Все щипино — друга нѣшь со мною,
 Ахъ! нѣшь со мной души моей.
 Что еѣтели волны поглотили
 Того, для коего живу?
 И смертные часы пробили
 Того, кѣмъ движусь и дышу?
 Прервавъ тоску свою и муки,
 Я съ жизнью горькою прощусь;
 И послѣ тяжосшной разлуки.
 Съ любезнымъ въ небѣ обьмусь.
 Иль нѣшь . . . пойду сперва по свѣту,
 Искать слѣдъ друга моего,
 Холодною землею одѣшу,
 Сыщу могилу хонь его.
 Сплету вѣнки изъ-розъ, нарцисовъ
 Росую слезъ ихъ омочу;
 Среди печальныхъ кипарисовъ
 На камень гроба положу;
 Потомъ повергчись возрыдаю
 И въ горести на немъ умру.

Д А М О Н Ъ.

Я съ каждымъ шагомъ смерть встрѣчаю —
 Но знай шудажъ къ тебѣ приду.
 На урну обопрусъ рукою,
 Съ любезной сердца разлучень,
 Потомъ зальюся слезъ рѣкою,
 Твоею смертию огорчень.
 Въ шокъ — участие раскрою,
 И ушѣщеніе сыщу;
 Въ словахъ — надежды лучъ открою,
 И духъ швой къ жизни возвращу.

Д а л и д а .

Дамонъ! не зналъ ты видно спрахити,
 Когда вишишь поску мою,
 Незналъ любви всеильной власни,
 Какъ мершвыи жизнь пр-вель свою.
 Ахъ! съ другомъ щасше — мнѣе,
 Съ нимъ шихій миръ души живешъ,
 Съ нимъ чувешво радосни — еильнѣе
 Съ нимъ скука сердца не гнешешъ.
 Вздохнулъ? въ ошьѣшь я едоль же слышу —
 Сей вздохъ, чѣмъ можно замѣнитъ?
 Взглянулъ? я шѣже чувешва вижу — . . .
 Но что! любви не изьяснись . . .

Д а м о н ъ (*указываѣ на текущую рѣку*).

О дочь! мы сходны съ сей рѣкою,
 И цѣлый съ нею сходень свѣшь.
 Волна обьимешся съ волною,
 И гдѣ сребрившійся ихъ слѣдъ?
 Минуты рѣзвяпся съ часами,
 Но годы ихъ влекутъ съ собой,
 Цвѣшны лобзаюпся съ цвѣшами,
 Но вѣшпръ ихъ гнешъ къ землѣ главой.
 Въ пески и пыль алмазы шрупся,
 Кишы и лѣвы впадаюпъ въ сѣшь;
 Столбы вселенныя шрясушся,
 Для всѣхъ одинъ удѣль — шерпѣшь.
 Но Царь міровъ, средь самой ноци,
 Ошь неба преклоняешъ взоръ,
 На горы, бездны, долы, роши,
 На весь шворенія соборъ.
 Онъ окомъ землю проникаешъ,
 И ухомъ слышитъ бой сердцець,

Край, солнце, ризь его пылаешь,
Ушѣшься! онъ для насъ Отецъ.

Д а л и д а.

Дѣмонъ! сего дня предъ разсвѣшомъ,
Я зрѣла друга моего,
И здѣсь подъ лучезарнымъ небомъ,
Встрѣчала въ радости его.
Но гдѣжъ шѣнь милая, драгая,
Увижуль на яву се?
О ночь! о сонъ! мечта пустая! . .
Все множишь бѣдствіе мое.

Д а м о н ъ.

Бышь можешь сонъ сей есть предпеча
Зари твоихъ щасливыхъ дней;
Бышь можешь, скоро съ другомъ встрѣча
Прервешь шокъ горести твоей.
Оставь печаль свою и вздохи,
Въ нихъ пользы, вѣрь мнѣ, не найдешь.
Когда судьбы небесъ жестоки,
Гдѣ щипъ, и помощь обрѣнешь?

Д а л и д а.

Виновналь я, что вижу друга
И въ часъ покоя моего;
Душей спремлюсь къ душѣ супруга,
И жишь не въ силахъ безъ него.

Д а м о н ъ.

О дочь! Герои средъ куреній
Клянущъ удѣль своей судьбы;

Цари кидаютъ жезлъ правленій
 Спращеней не выдержавъ бѣры бы.
 По сердшу, другъ мы, всѣ младенцы;
 Но умъ данъ Меншоромъ для насъ —
 Въ спранѣ подлуной мы пришельцы—
 Кшо будущій опкрѣпъ часъ?
 Сего дня и босклянъ нашъ пмишся,
 Ошъ буръ и темно-сѣрыхъ шучъ;
 Но ушро завпра прояснишся,
 И правды возсияеть лучъ.
 Несчасшень я, но чистъ душею,
 Мученье легче для меня,
 Несчасшень—и судьбой своею
 Горжусь, когда невинень я.
 Пусшь сильная десница давишь,
 Спрадальца въ горѣ и бѣдахъ;
 Пусшь рокъ жестокій золь прибавишь,
 И шернь умножишь на пущяхъ.
 Паду подъ бремянемъ печали,
 Безъ ропота, безъ щока слезъ,
 Несчасшья дни мои скончали;
 Но я не весь еще изчезъ . . .
 Въ спранахъ безсмертнъя возрожуся,
 И правый судъ себѣ найду,
 Съ Царями гордыми сравнюся,
 Или впередъ еще пойду.
 Преспола Судѣ доспигну,
 Раскрою раны передъ нимъ,
 Законъ судебъ его поспигну,
 Онъ ешъ, Онъ былъ Опцемъ моимъ.
 Онъ книгу жизни мнѣ покажетъ,
 Причину ясну дастъ всему,
 Предъ цѣлою вселенной скажешь,
 Чшо я шерпѣль, и почему?

Д а л и д а.

Ахъ! естѣли бы уча шерпѣвнью,
 Любилъ ты искренно людей;
 Своихъ уроковъ къ утвержденью,
 Лилъ слезыбъ и болѣлъ душой.
 Но ты чувствъ нѣжныхъ неимѣешь,
 Какъ спалъ пшверда грудь у тебл.
 Или ты кровь со льдомъ умѣешь
 Мѣшанъ по жиламъ у себя;
 Или въ Сибири ты родился,
 Со львами жилъ и пшгромъ былъ,
 У скалъ жестокости училъся,
 Мешалловъ свойства получилъ.

Д а м о н ъ.

Нѣтъ у меня пословъ печали —
 Рѣсницы высокли мои,
 И слезы теплыя скончали
 Давно, давно пуши свои.
 Грудь сшарческая шихо сшонепъ,
 Едва за вздохомъ вздохъ идешь;
 Безъ буръ наружныхъ сердце ноетъ,
 За каплей каплей кровь печетъ.
 Чуть искра держишся, чуть дышешь
 Огня безсмертнаго во мнѣ;
 Чуть шомны силы жизни движешь,
 И друга бережешь тебѣ.
 Одна минуша — я безгласень,
 Умру . . .

Д а л и д а.

Остановись Дамонъ!
 Иль ты съ судьбой моею согласень,

Иль любишь ты печаль и спонь?
 Могули я, или способналь,
 Ты знаешь, дѣлашь зло другимъ;
 Въ пивоемъ смущеніи спокойналь,
 Могу я сердцемъ бышь моимъ?

Д А М О Н Ъ.

Оставимъ другъ мѣста жестоки,
 Гдѣ грусть прикованна съ тоской;
 Пусть узришь Вальфъ сіи пошоки,
 Онъ вѣрно слѣдъ узнаешь швой.

(Указывая на вдали стоящій свой домъ)

Пойдемъ подъ кровъ уединенный,
 Не нелюдимъ въ немъ погребень;
 Не злобы духъ лицепріемный,
 Въ спѣнахъ унылыхъ заключень.

Далида (отступая отъ него).

О роци темныя густыя,
 Пустыницы въ свой цѣлый вѣкъ!
 О горы вѣчныя крушыя,
 Родительницы быстрыхъ рѣкъ!
 О пучные брега высоки,
 Блудущіе законы водъ!
 О беспрочистые пошоки,
 Рисующіе неба сводъ!
 Гдѣ милый другъ мой объявите
 Все вамъ, что есть лишь у меня.
 Тскише, движьтесе, скажите,
 О Вальфъ! „Далида ждешь шебя.,,
 Моря, шумящими волнами,
 Не замедляйте другу пушь,
 Поля спарайтесе съ цвѣтами
 Ковры душисты развернушь.

Сирены, лиръ и арфъ Царицы,
 Идше ниго передъ ними,
 Сирой взявъ Лезбозскія пѣвицы,
 Манше нѣиёмъ своимъ.
 Иль нѣи! — вы все, вы все невѣрны,
 Вы часомъ, случаетъ друзья.
 Подобно людямъ ликомъ рыи —
 О сердце, живыи душа моя,
 Ты самъ, какъ лети лебедь чистый,
 Съ полемъ твоимъ спорящій въ широе,
 Или какъ даръ пернатыхъ быстрой,
 Парящій выше облаковъ,
 Спустишь съ полей пространствъ воздушныхъ,
 Гдѣ ходитъ павою луна,
 И плескъ хваленій разнозвучныхъ
 Внимаетъ гордости полна.
 Спустишь — въ справѣ чужей любимымъ
 Пришлецъ не долго можешь быть,
 Являясь Адонисомъ милымъ,
 Онъ все невѣрнымъ будешь слышь.

Д а м о н ъ (со вздохомъ)

Ушѣхъ распѣнья прозлбають,
 Средь шерна, грусти и досады,
 Взаимно вѣшн сопленають,
 И жизни занимають садъ.
 Ты знаешь ли, чино въ прихотливыхъ,
 Богатой Азии справакъ,
 Среди торжествъ сластолюбивыхъ,
 Дивана мѣа наго въ спѣнахъ,
 Родилось нѣкогда веленье,
 Доспойное пруда умовъ,
 Нашедшій ново услажденье,
 Для деспота слѣпыхъ рабовъ,

Примешь важную награду,
 И честь обильно соберешь.
 Какое счастье скажешь граду,
 Гдѣ Царь, земный Богъ, такъ живетъ. *)
 Эхъ! вѣрь, что смѣсь цвѣтвъ въ каршинѣ,
 Изъ тѣни къ свѣту переходъ,
 Ручей текущій при долинѣ,
 Холмъ близкій къ шокъ чистыхъ водъ,
 Спокойный спдыхъ послѣ бдѣнья,
 И сладкой по трудахъ покой,
 Даюшь часы увеселенья,
 И нектара пояшь спруей.

Д а л и д а.

Дамонъ! сребристыми спруями
 Несется что-то издали —
 Смощи, перяется съ волнами —
 Вотъ бѣлые браздишь верьхи —
 Ахъ! видишь ли? не медли —

Д а м о н ъ.

Вижу —

Опливъ чернѣешь на валахъ.

Д а л и д а.

И спонъ есть, кажется —

Д а м о н ъ.

Не слышу

Д а л и д а.

Чтожь значишь шопотъ на брегахъ?

*) Здѣсь говорится объ указѣ Ксеркса.

Д А М О Н Ъ.

Пойдемъ другъ!

Д А Л И Д А.

Нѣтъ.

Д А М О Н Ъ.

Рукой свящою,
Хранящею природы чинъ,
О дочь, какъ ночи вѣчной мглою,
Закрѣши зрѣлице судьбинъ.
Истории въ міру обширномъ,
Гдѣ равные жиеуль Богамъ,
Высокой сферы въ чинѣ видномъ,
Красот подобяшся звѣздамъ,
Въ міру, гдѣ фиміамъ душистый
Иконамъ лживымъ не горитъ,
Гдѣ огонь въ горнилѣ правды чистый
Свинецъ ошъ золота дѣлаетъ,
Гдѣ лести пономъ переходнымъ,
Звукъ ложной славы недробятъ,
Рукой корыстной, съ видомъ помнымъ,
Крестовъ и звездъ не шевелятъ;
Какихъ шумановъ не всходило,
Снѣговъ непадало, дождей?
Какихъ громовъ не проходило,
Не разливалось рѣкъ, морей?
Какихъ трагедій не играли,
И плескомъ не хвалили драмъ,
Гдѣ узель горемъ начинали,
Кончали жерпивою Богамъ?
Подъ лучезарнымъ небосклономъ
Элады шумныя въ краяхъ,

Гдѣ странники подѣ каждымъ кровомъ,
 Могли найти покой въ пущахъ,
 Ты знаешь ли убогославный,
 Изъ подѣ чужь выдавшійся холмъ,
 На коемъ царствоваль избранный
 Нанерспниковъ Минервы въ сонмъ?
 Улиссомъ онъ имяновался,
 И въ свѣтъ Лаэртѣомъ былъ рождень,
 Ошважно десять лѣтъ сражался,
 У гордыхъ Иліѣна епѣнь.
 Пошомъ гонимъ Боговъ коварспвомъ,
 Иль злою учаспью своей,
 Скипался по морямъ, и царспвомъ
 Оспавиль управлять друзей.
 Супругѣ—имя Пенелопа,
 Ты, можешъ, слышала о ней,
 Пѣвица Феба, Жалліѣона,
 Безсмертною рукой своей,
 Воздвигла памятникъ священный
 Любви и нѣжності ея,
 Булашъ въ рукѣ времянь согбенный
 Его блюдешъ, въ урокъ храня.
 Какъ громаы собирались къ Троѣ,
 Сливаясь въ шучу спрашныхъ силъ,
 Орлы Элады, въ шумномъ спроѣ,
 Текли извѣдашъ швердоспъ крыль.
 Улиссъ шревожимый спокрашно,
 Средь спора славы и любви,
 Былъ въ думѣ долго — и внезапно
 Унесся въ пагубный Авли—
 Забылъ предмѣшъ обьяпій шеплыхъ
 Супругу кинулъ сиропой,
 Чужь дышущу—и радоспъ свѣшлыхъ
 Торжеспвѣ на вѣки взялъ съ собой.

Какъ дни, ея минуны длились,
 Какъ долгой вѣкъ, годъ каждый шель,
 Какъ рѣки горесни спруились,
 И страхъ, какъ вѣчный мракъ висѣль.
 Весна украсила цвѣтами
 Въ десяный разъ чело полей,
 И холмы окропивъ духами,
 Согрѣла взоромъ грудь морей.
 Колосъ разрушился Пріамовъ,
 Пустынею градъ шумный сцалъ;
 Изъ гордыхъ же развалинь храмовъ,
 За слабыхъ мспящій Богъ возсцалъ.
 Герой сподвижникъ Ахиллеса,
 И грознаго Априда другъ,
 Какъ камень, двинуый съ ушеса,
 Повергся въ бездну золь и мукъ.
 Онь спранъ всходящаго свѣшила
 До шемно-западныхъ бреговъ,
 Онь пажисей цвѣшущихъ Нила
 До полюсныхъ носился льдовъ.
 Напасни тысящми и ковы
 Вспрѣчалъ повсюду на пущяхъ;
 Къ нещасью розовы оковы,
 Въ незнаемыхъ надѣль земляхъ.
 Межь шѣмъ печальная супруга,
 Какъ блѣдная въ часъ ночи шѣнь,
 Вдыхала, плакала — и друга
 Ждала къ себѣ подъ мирну сѣнь.
 На берегъ часно выходила,
 Безъ спущницъ, съ груспію одна,
 Близъ стелющихся волнь ходила
 Безъ силъ, и въ думѣ и помна.
 То къ небу въ шихомъ умиленьи,
 Прошенья возносила масъ,

То въ бурномъ чувствѣ своихъ волненьи,
 Кляла рожденья лютой часъ.
 То въ спонѣ вопрошала горы
 О бѣдственной своей судьбѣ;
 То къ морю обращала взоры,
 Опрады тайно ждавъ себѣ.
 Дочь! кто въ шумящихъ безднахъ моря,
 Земной глазами видѣлъ лотъ?
 Кто въ нашемъ краѣ міра сноя
 Познашь всѣхъ звѣздъ печенье могъ?
 Ларшовъ сынъ чрезъ волны, снѣги,
 Лукавыхъ тысячи сѣшей,
 Доплыль—дошелъ—опѣ храма нѣги
 Къ убогой родинѣ своей.
 Въ чертоги Пенелопы входишь,
 Какъ Ирѣ, уныль, безъ силъ, согбенъ.
 Взираешь вдаль — и чтожь находишь? . .
 Средь бывшихъ мѣстомъ брака спѣнь,
 Въ краю одномъ народъ смущенный
 На землю въ горести глядишь;
 Въ другомъ вельможей сонмъ спѣсенный,
 Безмолсивуя въ слезахъ спойшь.
 Предъ ними въ споронѣ опдѣльной,
 У бѣломраморныхъ столбовъ,
 Гдѣ ликъ пенатовъ позлащенный
 Лучи льещъ радужныхъ цвѣтовъ,
 Сынъ юный, роза красотою,
 Опчаянную держишь мать,
 И тихою своей тоскою
 Ее желаетъ утѣшать.
 Въ срединѣ сожигаютъ маки,
 Вѣнки на жертвенникъ кладушь,
 Къ родимымъ берегамъ Итаки,
 Тѣнь блѣдную его зовушь.

Надъ ниши грусти томный Геній,
 На черныхъ носныхъ крылахъ,
 Колѣбля облака куреній
 По лицамъ разливаешь страхъ.
 Какой языкъ глубоко-обильный
 Въ немъ чувства сердца изъяснишь?
 Какой восторгъ небесно-сильный
 Сю минушу замѣнишь?
 Улиссъ, раздразь хишонъ убогій,
 Въ одѣждѣ предстоишь Царя,
 Кончаешь вопль и спонъ глубокий,
 Въ дверяхъ собранья говоря:
 „Еще я живъ, друзья, народы,
 „Я живъ не плачьте обо мнѣ,
 „Судьбамъ угодно было годы
 „Мои провешь въ водахъ, огнѣ.“
 Дочь! кисти Рубенса не покажешь
 Опшѣнковъ всѣхъ картины сей;
 Пусть сердце же швое доскажешь
 Все прочее душѣ швоей. . . .

Д а л и д а .

Есть въ свѣшѣ, другъ Дамонъ, счасливцы,
 Могуль сокрышь судьбъ вражду?
 Есть неба на землѣ любимцы,
 Которымъ все идешь къ добру.
 Есть внушки, пасынки природы,
 Которымъ, вѣрь, она не мать.
 Есть въ мѣрѣ цѣлые народы,
 Которыхъ доля, ввѣкъ спраданъ.
 Въ какомъ не спройномъ восхищенъи,
 Въ какихъ разительныхъ словахъ,
 О шѣхъ, которые въ волненъи
 Морей, волны или огняхъ,

Спаслися тайною игрою,
 Богини въ дѣйствіяхъ слѣпой,
 Невидимой для насъ рукою,
 Иль темною ума спезей,
 Какія басни небылыя,
 Объ нихъ сплѣтають намъ въ урокъ,
 Мечтая, что въ минуты злыя
 Слезъ можно удержатъ пошокъ.
 Но гдѣжъ погибшіе безвѣстно,
 Подъ тяжестію золь и бѣдъ? . .
 Число ихъ въ дѣяніи не вмѣстно —
 Ихъ участи не знаетъ свѣтъ.

Д А М О Н Ъ.

Не знаетъ свѣтъ и пусть не знаетъ,
 Пошери нѣтъ ни мало въ помъ.
 Надежду странникъ полагаетъ
 Въ одномъ Опечествѣ своемъ. —
 Жизнь наша — путь въ лѣсу, сомнѣнье —
 На пняхъ и камняхъ отдыхай,
 Жизнь наша — море и волненье —
 Въпроръ и бурь не забывай.
 Тамъ другъ мой, тамъ въ жилищахъ мирныхъ,
 Нашъ берегъ, приспанъ и покой,
 Тамъ, тамъ небесъ въ странахъ эфирныхъ,
 Гдѣ мыслей будемъ жить одной.
 Тамъ ясно узримъ пѣни милыхъ,
 Найдемъ и братьевъ и друзей.
 Тамъ сирыхъ вспрѣшимъ и гонимыхъ,
 Довольныхъ жизнью своей.
 Тамъ съ Богомъ мы соединимся,
 Узнаемъ счастье близъ него;
 Съ волненьемъ чувствъ своихъ проснимся,
 Сольемся съ бытиемъ его . . .

Д а л и д а .

(Въ сіе время кидаетъ взоръ
на рѣку и видитъ несчастнаго
погибшаго въ волнахъ).

Смотри, Дамонъ, что къ намъ несется.
Гдѣ жизни духъ, какая вѣсь! . .
На персяхъ шумныхъ волнъ прясется —
Спаси, кто это, другъ, ни есть.

Д а м о н ъ (Въ удивленіи — опускается къ
спряжамъ для спасенія плывущаго).

Д а л и д а (пріостанавливаясь на берегу).

О жители страны подлунной!
Конецъ увидимъ ли бѣдамъ?
Иль жизни бышіе минувной
Влачишь въ мученьяхъ должно намъ?
На моръ — смершь волнами гонишь,
И бѣздами грозишь въ пущяхъ.
На сушь — злоба козни спройшь,
И ухищряется въ сѣняхъ.
Куда пойдешь? къ кому прибѣгнемъ?
Кто дастъ намъ обороны щипъ?
Какой спезею золь избѣгнемъ?
Когда найдемъ опъ нихъ эгидъ?
Иль небо мирное, благое
Вливаетъ въ сладкій нектаръ ядъ,
Мѣшаетъ доброе и злое,
Въ подлунной хочешь сдѣлать адъ? . .

(Устремляется внизъ къ Дамону, и взглянувъ на извлетеннаго изъ водъ — останавливается и въ третѣ говоритъ): —

Иль лютыхъ мукъ залогъ ужасной,
 Въ волнахъ сокрытымъ бышь не могъ? . . .
 За чѣмъ изъ нѣдръ спихи влажной
 Ты бѣдъ моихъ вину искорги?
 Кого ты видишь предъ собою?
 Что хочешь дѣлать, для чего? . .

(Между тѣмъ Дамонъ желая помочь умершему, открываетъ на груди его портретъ Далиды).

Вальфъ! вѣрь, что ты оплаканъ мною! . . .
 Дамонъ! нѣшь друга моего! . . .

Д А М О Н Ъ.

Какъ! . . Вальфа нѣшь? . .

Д А Л И Д А.

Еще сомнѣнье . . .

Д А М О Н Ъ.

О Вальфъ! что вижу? вижу — ты.
 Или небесь опредѣленье! . . .
 Гдѣ духъ швой? . . жизнь гдѣ . . . гдѣ чершы? . . .

Д А Л И Д А.

О другъ! судьба насъ разлучила!
 Могуль себя еще узрѣшь?
 Одна для насъ пускай могила . . . .
 Умремъ — коль должно умереть . . . . .

(Повергается на грудь Вальфа).

Д А М О Н Ъ (беретъ ее за руку).

Далида! дочь! она безгласна . . .

Мертва, духъ жизни въ ней исчезъ. —

(Д А М О Н Ъ колеблется и упадаетъ).

О сколь судьба людей несчастна! . . . .

Друзья! пускаемъ занавѣсь . . .

